

## Глава 31. Закат империи

— Вэйшэн, глянь-ка на того типа, — негромко позвал Цан Доушань. — Чего он так вылупился? Глаз с меня не сводит.

Вэйшэн сонно приоткрыл глаза.

На противоположной стороне почтового тракта стоял высохший, обтянутый кожей человек. Лицо его, землисто-серое, как у восставшего покойника, застыло каменной маской. Он уставился на Цан Доушаня диким, немигающим взглядом. Юноша отчётливо видел каждую черту этого жуткого облика: налитые кровью глаза, резко выдающиеся скулы — то ли призрак, то ли голодный бес из преисподней.

Вэйшэн скосил глаза на спутника, хмыкнул и лениво протянул:

— Ну... ты просто пожирнее меня будешь.

Цан Доушань растерянно моргнул, не понимая, к чему он клонит.

— Сдается мне... он примеривается, как бы тебя сожрать, — равнодушно обронил Вэйшэн. — Да брось, мы ведь ещё живы. Нас двое, он один, к тому же мы практики. Справимся, если полезет.

Сказал — и снова завалился спать.

От этих слов у Цан Доушаня мороз пробежал по коже. Он долго не мог прийти в себя, ошеломлённо переваривая услышанное.

Честно говоря, за время их долгого пути подобные ужасы встречались не раз. Просто Вэйшэн намеренно заслонял собой дорогу, оберегая неокрепшую психику молодого господина от кошмаров разоряемых земель.

Но то, что от Цан Доушаня прятали правду, вовсе не означало, что он ни о чём не догадывался. И всё же реальность превзошла худшие ожидания: юноша и помыслить не мог, что изнурённые голодом люди способны опуститься до первобытной жестокости.

Вэйшэн проспал до полудня. Редкое для зимы солнце наконец-то пробилось сквозь тучи, приятно пригревая и разливая по телу ленивую истому. Жуткий путник к тому времени уже убрёл далеко вперёд. Он шёл покачиваясь, пока вдруг не рухнул ничком прямо в дорожную пыль. Он, приоткрыв веки, приложил ладонь ко лбу козырьком и покачал головой:

— Надо же, отбегался, сердечный...

— Умер? — тихо спросил Цан Доушань.

— Угу, — кивнул Вэйшэн, поднимаясь на ноги и сладко потягиваясь. — Пора в путь, молодой господин. До столицы рукой подать, скоро заживём по-человечески! Обещаю тебе и сочного жареного поросёнка с хрустящей корочкой, и отборные спелые фрукты!

К полудню путники увидели величественные стены Дункана. Огромный город возвышался посреди равнины, подобно сотворённой богами горной гряде. Воздух над каменной кладкой слабо мерцал и шёл зыбью — то подрагивал защитный барьер. Ежедневно через городские ворота проходили десятки тысяч душ, и колоссальное скопление живой силы заставляло защитную магию непрерывно колебаться.

«Вот она, Столица династии Дацзин», — подумал Цан Доушань. Перед его мысленным взором предстал родной столичный град павшей династии Юй, но даже тот, бывлой оплот величия, уступал раскинувшемуся впереди исполину.

Однако стоило подойти поближе, как величественный образ рассыпался в прах. У подножия исполинских стен ютились серые толпы беженцев — измождённые люди с испытанными землистыми лицами. Врата охранял многочисленный, до зубов вооружённый гарнизон. Солдаты придирчиво досматривали каждого, кто пытался войти, и безжалостно гнали вшаей любого, кто не мог заплатить пошлину. Обделённым оставался один путь — пополнить ряды умирающих у подножия стен.

Вэйшэн уже полез в карман за серебром, но Цан Доушань вовремя перехватил его руку и отрицательно покачал головой. Когда подошла их очередь, они просто позволили своей духовной силе слегка просочиться наружу. Ощувив колебания ци, досмотрщики на миг замерли. Они с подозрением оглядели оборванцев, чьё отрепье мало чем отличалось от лохмотьев беженцев, но перечить практикам не решились — молча расступились и пропустили их внутрь.

— Откуда ты знал? — шёпотом изумился Вэйшэн, когда они оказались по ту сторону ворот.

— Вся эта затея с поборами устроена лишь для того, чтобы отсеять нищих, — спокойно ответил Цан Доушань, озираясь по сторонам. — Но практиков никто не посмеет задерживать. Наше маленькое сословное преимущество.

Столица поражала воображение. Блеском и роскошью она напоминала округ Вэньцзинь, но здешние масштабы были несравнимо больше. Улицы кипели жизнью, повсюду звенела музыка и раздавался смех. Царившая здесь атмосфера беззаботного праздника резко контрастировала с серым кошмаром за воротами. Два мира, разделённые каменной стеной: чистый рай и беспросветный ад.

Отыскав неприметный постоялый двор, они сняли комнату и впервые без опаски принялись пересчитывать свои богатства. Гора золота и драгоценных камней приятно радовала глаз, и теперь им предстояло решить, как распорядиться этим состоянием.

\*\*\*

## Дворец Чжэнцин

В самом сердце Дункана, под сводами величественного дворца Чжэнцин, император Гао Цзяму увлечённо, сопя и отдуваясь, обтачивал кусок нефрита.

Будучи владыкой Поднебесной, он питал глубокое отвращение к государственным делам и собственным министрам. Вот уже три десятка лет его разум занимала одна-единственная страсть: обработка камней. Ради этого сомнительного досуга он не показывался на утренних аудиенциях долгих девять лет.

Тяжёлые резные двери покоев неторопливо распахнулись, являя фигуру первого помощника Фу Хэгэ. Тот явился с очередным докладом. Сухим, размеренным голосом министр принялся перечислять, какие указы были приведены в исполнение, как продвигаются текущие дела, какие предписания готовятся к подписи и кто назначен за них отвечать. Фу Хэгэ вещал без остановки, прекрасно понимая, что император поглощён своим камнем и вряд ли улавливает хоть слово. Он говорил так, словно отчитывался перед пустотой.

Но сегодня первый помощник неожиданно нарушил привычный уклад и заговорил без обиняков:

— Мятежники в префектуре Ниншань уничтожены.

— Ах, вот как? Что ж, славная весть, Мы весьма рады, — безучастно отозвался Гао Цзяму, даже не подняв головы от верстака.

Подавив подступивший к горлу гнев, Фу Хэгэ продолжил:

— Но какой ценой! Из четырёхсоттысячного войска polegло больше половины, а ряды наших воинов-практиков понесли невосполнимые потери. На складах Ниншаня сгорели миллионы пудов зерна. В столице цены на хлеб взлетели до небес, а у ворот Дункана умирают десятки тысяч беженцев. Полагаю, при всей вашей проницательности, государь, вы могли предвидеть подобный исход.

— Разумеется, — небрежно протянул император. — Раз уж Нам сие ведомо, то и вам, верный наш слуга, обо всём было известно заранее. Наверняка вы приняли надлежащие меры? В крайнем случае, матушка-вдовствующая императрица примет удар на себя. Нам ни к чему забивать голову пустяками.

У Фу Хэгэ от такой наглости перехватило дыхание. Потеряв самообладание, он едва ли не выкрикнул:

— Никаких мер не принято! Государственная казна пуста!

Гао Цзяму наконец остановил шлифовальный круг. Подперев подбородок ладонью, он изобразил на лице крайнюю озабоченность:

— Как это — пуста?

— Именно так! Пуста до последнего гроша! — Лицо вельможи потемнело от злости. Без средств империя была парализована — казначейство едва наскребало на жалованье чиновникам.

Император разочарованно вздохнул:

— Любезный министр, к чему эти вспышки гнева? Раз нет денег, потрясите столичных купцов. Не выйдет — стрясите несколько десятков тысяч ланов серебра с Нашей августейшей родни. Уж матушка точно знает, как развязать их кошельки.

Фу Хэгэ лишь горько усмехнулся:

— И государь не боится, что они поднимут мятеж, сплотившись против престола?

— Осмелятся ли? — в глазах императора на миг промелькнуло высокомерие. — Мы — единственный законный владыка Поднебесной. Бунт против Нас — святотатство, лишённое всякого оправдания. Что же до смуты на северо-западе... глупцов просто совратили чёрные колдуны. — Он лениво отмахнулся: — Действуйте, как сочтёте нужным, министр. Моё соизволение у вас в кармане. А если матушка разгневается — Наша спина достаточно широка, чтобы укрыть вас от её опалы.

Фу Хэгэ медленно вдохнул и выдохнул, умиряя клокающую ярость. Бессилие перед глупостью монарха душило его, но поделать с этим упрямым он ничего не мог.

Поклонившись, первый помощник повернулся к выходу, но у самого порога его настиг голос Гао Цзяму:

— Постойте. Вы сменили благовония?

Вельможа слегка удивился, но скрывать очевидное не стал:

— Верно заметили, государь. Вам не угодил этот аромат?

— Отнюдь, запах весьма недурен, — отозвался император, вновь склоняясь над верстаком и

берясь за напильник. — И всё же Нам куда больше нравился ваш прежний выбор... тот, что звался «Туманом абрикосовой рощи».

— В таком случае я прикажу слугам вернуть его.

— Не утруждайтесь. Это лишнее.

Створки дворцовых врат сошлись с глухим стуком. Оставшись один, Гао Цзяму сделал несколько невнятных движений напильником, а затем с яростной силой швырнул его на пол. Железный инструмент с грохотом ударился о золочёные плиты пола. Лезвие с противным скрежетом надломилось, и мелкие осколки со звоном покатались по залу.

Грудь сдавило мёртвой хваткой, дышать стало невыносимо тяжело. Он судорожно забарабанил кулаками по рёбрам, силясь прогнать удушье. Из густой тени колонн робко выступил старый евнух:

— Ваше Величество, умоляю, поберегите себя...

В огромных покоях стояла звенящая тишина, нарушаемая лишь хриплым, прерывистым дыханием государя. Казалось, он вот-вот лишится чувств.

— Сестру... Позови ко Мне сестру! Живо!

Евнух испуганно закивал и поспешил во дворец Дичэ, где обитала принцесса Минжу.

Старшая принцесса в этот момент занималась составлением букетов под руководством придворной дамы. Известие о том, что брат требует её присутствия, вызвало на её красивом лице лишь гримасу досады:

— Ну что там ещё стряслось?

— Его Величество пребывает в крайнем расстройстве духа, — склонив голову, пролепетал слуга.

Минжу снисходительно усмехнулась:

— Неужто первый помощник Фу Хэгэ опять довёл его своими наравоучениями?

— Господин Фу изволил сменить благовония, — осторожно уточнил евнух.

Улыбка принцессы потеплела, хотя в ней всё ещё сквозило высокомерие:

— Бедное дитя. Впрочем, мне и впрямь стоит навестить моего непутёвого брата.

Она хлопнула в ладоши. Служанки тотчас поднесли золочёную чашу с ключевой водой. Минжу неторопливо омыла пальцы, промокнула их шёлковым платком и со всей тщательностью обновила румяна на щеках. Лишь после этого она соизволила отправиться в покои Чжэнцин.

В главном зале дворца Чжэнцин император развлекался тем, что пинал катающиеся по полу камни. Хрупкий флюорит разлетался от ударов его сапог, крошась на мелкие осколки. Гао Цзяму выбирал кусок покрупнее, остервенело бил по нему носком, пока тот не превращался в пыль, а затем принимался за следующий. Вскоре весь пол зала усыпала переливающаяся крошка, напоминавшая мириады упавших с неба звёзд.

Застав брата за этим занятием, Минжу брезгливо нахмурилась. Острые осколки царапали подошвы её изящных туфель, к тому же на них легко было поскользнуться. Принцессе приходилось тщательно выверять каждый шаг.

Завидев гостью, Гао Цзяму просиял. С радостным криком «Сестрица!» он бросился к ней и крепко обнял. Отчаянный порыв едва не сбил Минжу с ног — ей пришлось отступить на пару шагов, чтобы удержать равновесие.

Она ласково коснулась его плеча, напустив на себя вид искренней заботы:

— Ну-ну, что за ребячество? На кого ты так разгневался, мой император?

Гао Цзяму промолчал, лишь сильнее уткнувшись лицом в её расшитые одежды. Минжу размеренно похлопала его по спине:

— Ты уже взрослый мужчина, негоже тратить время на безделушки. Первый помощник не смыкает глаз ради блага нашего государства, прояви к нему каплю снисхождения.

Император резко отпрянул, упрямо надув губы:

— Не желаю!

— Так скажи ему это в лицо, — с вкрадчивой, едва уловимой издёвкой обронила Минжу.

Эти слова подействовали как удар хлыста. Юноша мгновенно побледнел. Вся его напускная спесь испарилась, уступив место жалкому, беспомощному отчаянию.

— Глупый мой младший брат, — принцесса взяла его за руку, заглядывая в глаза. — Сколько раз повторять? Ты — Сын Неба. В твоей власти получить всё, что пожелает душа. Путей великое множество, вопрос лишь в том, достанет ли у тебя духу сделать шаг.

— Но я не хочу принуждать его силой... — нерешительно пробормотал Гао Цзяму.

Минжу снисходительно улыбнулась:

— Кто говорит о насилии? Он сам подчинится твоей воле. — Она крепче сжала его пальцы, чеканя каждое слово: — «Нет под небом земли, что не принадлежала бы царю. Нет на окраинах земли людей, что не были бы слугами царя. Коли государь велит вассалу умереть — тот беспрекословно повинуетя». Полно, брат, неужто ты забыл, кто первым вложил эти мудрые слова в твою голову?

Закат над императорской цитаделью полыхал багровым пожаром, точно пролитая кровь. Однако колоссальные стены были слишком высоки — они безжалостно застилали угасающий свет, обрекая большую часть дворцовых садов на ранний холодный сумрак.

\*\*\*

Подобный полумрак царил и в крохотной каморке, которую сняли Цан Доушань и Вэйшэн.

Окна выходили в глухой колодец двора, зажатый между тесными пятиэтажными пристройками. О солнечном свете здесь не шло и речи, а если распахнуть ставни, можно было без труда дотянуться до жильцов из дома напротив.

Хозяйка постоялого двора отличалась редкой прижимистостью и тушила общие светильники едва ли не с первыми сумерками. В крошечной тьме коридоров вернувшийся с рынка Вэйшэн едва не ломился в чужие двери.

Цан Доушань, коротавший время за медитацией, уловил тихий скрип открывающейся двери. Напускное спокойствие мигом улетучилось, и он с нетерпением спросил:

— Ну что, принёс?

Вэйшэн придвинул колченогий столик и выложил на него две завернутые в листья лотоса порции дымящегося риса и глиняный горшочек со сладкими консервированными персиками.

— Свежак, прямо с жару. В этой проклятой столице цены кусаются, так что не обессудь, ужинаем скромно.

Цан Доушань первым делом потянулся к персикам. Плоды оказались неочищенными, да и закрыт горшочек был из рук вон плохо — от сиропа слегка несло забродившим вином, но голод взял своё. А вот лotosовый рис порадовал: обильно сдобренный копчёной грудинкой, вяленым окороком и яйцом, он так и исходил манящим ароматом. Юноша умял всё до последней крошки и сыто откинулся на спинку стула.

Вэйшэн наспех ополоснул лицо прохладной водой, расправился со своей порцией и устроился на циновке. Долгая дорога выпила из них много сил, и за время странствия заняться самосовершенствованием толком не удавалось.

Едва его сознание погрузилось в транс, перед мысленным взором раскинулось бескрайнее Чёрное море.

После столь долгого перерыва эти мрачные воды казались почти родными. Вэйшэн почувствовал, как духовная сила устремляется в его каналы гораздо быстрее обычного.

Насытившийся Цан Доушань последовал его примеру, и в тесной комнатке воцарилась глубокая, чуткая тишина.

Спустя несколько часов ночной покой разорвал яростный стук в дверь. Колотили с такой силой, словно пытались разнести хлипкое дерево в щепки. Оба практика разом распахнули глаза. Вэйшэн уже потянулся к задвижке, намереваясь проучить наглеца, но Цан Доушань крепко схватил его за запястье:

— Погоди.

Стук повторился, а затем внезапно оборвался. Через мгновение точно такие же тяжёлые, ритмичные удары раздались этажом выше, в дверь соседа напротив.

— Что за чертовщина? — нахмурился Вэйшэн.

Цан Доушань понял, что представился отличный случай поделиться опытом.

— Попробуй расширить своё восприятие. Представь, будто твоё восприятие обретает форму и растекается невидимым потоком воздуха, устремляясь как можно дальше.

Вэйшэн послушно закрыл глаза. Поначалу дело не шло, но постепенно он поймал нужное ощущение. Это походило на осознанное сновидение: его разум уподобился чернильной капле, медленно расплывающейся по чистому пергаменту.

Духовный взор выхватывал из темноты очертания предметов, словно слепец, ощупывающий дорогу тростью.

Стоило его восприятию подняться на верхний этаж, как стук прекратился. В тот же миг мимо пронеслось ледяное дыхание запредельного холода. Вэйшэн содрогнулся, по телу пробежала нервная дрожь, и зыбкая ментальная связь мгновенно лопнула.

— Ну как? Что заметил? — с любопытством спросил Цан Доушань.

— Сквозняк ледяной... — буркнул Вэйшэн, потирая предплечья. — Меня аж перетряхнуло всего.

Цан Доушань удовлетворённо кивнул:

— Именно. Наш ночной гость — обыкновенный неприкаянный призрак. Его духовное поле чуждо нашему миру, поэтому, настроив Сферу сознательного восприятия, его легко обнаружить.

Вэйшэн задумался, а затем недоумённо спросил:

— Но ведь на этом постоялом дворе полно практиков. Почему никто пальцем не шевельнёт, чтобы прогнать тварь?

— Он ведь уже мёртв, чего с него взять? — вздохнул Цан Доушань. — На самом деле adeпты праведного пути сильно ограничены в действиях. Нам запрещено вмешиваться в дела как живых, так и усопших без веской причины. Большинство практиков предпочитают не навлекать на себя лишних забот. Даже мимолётная неприязнь со стороны простых смертных способна бросить тень на твою карму и помешать восхождению к Дао.

Бешеный стук продолжал разноситься по погружённому во тьму зданию. Он раздавался то справа, то слева, то затихал внизу, то поднимался к чердаку. Неведомый гость упорно ломился в каждую дверь.

Но никто так и не вышел.

<http://bllate.org/book/18329/1865349>